

НОВЫЙ
исторический
РОМАН

Цикл
Станислава Федотова
ПОД ЗНАКОМ АМУРА

Схватка за Амур
Благовест с Амура

Станислав ФЕДОТОВ
ПОД ЗНАКОМ АМУРА
БЛАГОВЕСТ
С АМУРА

ПОКЛОННЫЙ КРЕСТ
ВОЗВРАЩЕНИЕ АМУРА

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Ф34

Серия «Новый исторический роман»

Иллюстрация на обложке *Сергея Курганова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Федотов, Станислав Петрович

Ф34 Под знаком Амура. Благовест с Амура: Поклонный крест, Возвращение Амура : сборник. / Станислав Федотов. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2023. — 608 с. — (Новый исторический роман).

ISBN 978-5-17-150334-5

Несколько лет Муравьев добивался разрешения на сплав по Амуру войск для защиты Камчатки — этому изо всех сил сопротивлялся канцлер Нессельроде, панически боявшийся мифических китайских войск на Амуре. Тем временем английская и французская разведки решили действовать напрямую и заставить работать на себя генерала и его жену. Во время пребывания Муравьевых за границей их завербовали. Это убедило императора Николая в необходимости укрепления тихоокеанских рубежей России, и он дал согласие на сплав.

Не напрасной, оказывается, была подготовка Муравьева к войне: англо-французская эскадра напала на Петропавловск и потерпела сокрушительное поражение от защитников порта, имевших впятеро меньшее количество пушек и людей. Это была единственная победа России в так называемой Крымской войне.

Апофеозом деятельности Муравьева на посту генерал-губернатора стало подписание Айгунского трактата, который утвердил за Россией Приамурье, а затем и Приморье.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-150334-5

© Станислав Федотов, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Книга пятая

ПОКЛОННЫЙ КРЕСТ

Глава 1

1

Они стоят в пятидесяти шагах друг от друга на дороге, укатанной полозьями нарт. Русский генерал-лейтенант и французский майор — офицеры воюющих государств. Враги.

Они собираются драться на пистолетах. Несмотря на разницу в званиях, дуэльный кодекс это позволяет. Поэтому у обоих — секунданты, а в дорогу, как раз посередине между противниками, один из секундантов воткнул саблю — свежий ветер играет ее темляком и змейками гонит по дороге поземку.

Они собираются драться, но причина дуэли — не война между Россией и Францией, а, как это чаще всего бывает, женщина.

Секунданты предлагают решить дело миром, но дуэлянты отказываются. Вернее, отказывается майор; с пылающим от ненависти лицом он заявляет, что должен отомстить человеку, который дважды убил его счастье. Генерал только пожимает плечами:

— Я преднамеренно против этого человека ничего не делал и не питаю к нему враждебных чувств. Он считает себя оскорбленным, он меня вызвал, за ним последнее слово. Хочет стреляться — пусть будет так. Лично я выстрелю в воздух.

Майор слышит его слова. Ярость и ненависть в его глазах перемежаются с растерянностью, в его душе что-то поколебалось, но не успевает оформиться в действие.

— Сходитесь! — кричит секундант генерала, а секундант майора машет платком, время что-то изменить упущено, и противники делают первые шаги навстречу друг другу, поднимая пистолеты.

И вдруг майор застывает, глядя куда-то за спину генерала. Генерал невольно оглядывается.

Из-за темной стены леса вылетела упряжка оленей с нартами. Нарты пусты, но на концах полозьев, держась за дугу задней стенки, стоит фигурка в меховой шубе. На крутом повороте нарты падают на бок, и фигурка кувырком катится в сугроб на краю дороги.

Секунданты, стуча сапогами, опрометью бросаются на помощь: один останавливает упряжку, второй помогает подняться упавшему, отряхивает его шубу. Но человек вырывается так, что шуба слетает с плеч, и бежит к генералу, путаясь в подоле длинного платья.

Это — Катрин.

— Стойте! Остановитесь! Не стреляйте! — кричит она. Бросается на шею генералу и говорит торопливо, сбивчиво, глотая слова: — Не убивай его, дорогой... Никто же не виноват... Я тебя люблю... Я тебя умоляю: не убивай!..

— Я и не собирался, — говорит генерал, стреляет в воздух, отбрасывает пистолет и целует Катрин.

И тут раздается второй выстрел.

Генерал и Катрин одновременно бросают взгляды в сторону майора и видят, как тот, уронив руку с пистолетом — а на синем мундире с левой стороны расплывается темное пятно, — медленно опускается на колени и падает лицом в грязный снег, укатанный двумя десятками нарт.

Черт побери, думает Николай Николаевич, глядя поверх спинки кровати на окно спальни, подсвеченное снаружи газовым светом уличных фонарей, опять этот сон! И похоже, вещей, раз приходит третий раз, один и тот же, с небольшими вариациями. И опять он не смог разглядеть лицо майора — только мундир, черную бороду и развеваемые ветром кудри. Что вообще значит все это — снежная дорога, какая-то дурацкая дуэль с грубым нарушением дуэльного кодекса* и — главное! — Катрин,

* Первый выстрел в воздух означал, что сделавший его — трус, это влекло за собой изгнание из общества.

умоляющая не убивать странного майора, неожиданно вставшего на его, Муравьева, пути? Кто он ей, кто она ему? Что за дикие и пошлые обвинения в убитом счастье? Даже дважды убитом! Что за трагический пафос? Чье счастье я убил? Почему дважды? Ну ладно, допустим, первый раз я женился на невесте погибшего. Так, может быть, это кузен Катрин взывает с того света? Да ну, какие глупости! Хотя... мертвым его никто не видел — вдруг остался жив и теперь ищет ее?

У Николая Николаевича пересохло во рту. Черт! Черт!! Черт!!! Он покосился на жену, спящую справа, — как она безмятежно раскинулась на широкой постели! — осторожно встал и подошел к столику у окна, на котором стояли кувшин с чистой водой и стаканы.

Налил полный стакан и стал пить медленными глотками, продлевая удовольствие от влажной прохлады, задумчиво глядел в окно на одетый в строительные леса собор преподобного Исаакия Далматского, покровителя Петра Великого. Тридцать пять лет строится! За это время кто-то успел родиться, вырасти и, может быть, даже умереть, а собор все в лесах. Интересно, архитектору его, этому... Монферрану, снятся вещие сны? Ну хотя бы о том, доживет он до окончания строительства или нет?

О господи, что за дурацкие мысли лезут в голову! Впрочем, какие сны, такие и мысли, не столько дурацкие, сколько тревожные. Во сне была оленья упряжка — значит, дело происходит где-то на севере, разумеется, в России — на Амуре, в Якутии или на Камчатке. Откуда там французский офицер? А, ну да, наверное, уже идет война. Только почему — с Францией? С Англией — понятно, а Франции-то чего надо? Впрочем, неважно, надо срочно отписать Завойко, чтобы укреплял порт, строил намеченные батареи. Что еще? Да, конечно, — вытребовать и отправить поскорее Невельскому бумаги по высочайшему решению относительно перехода в разряд государственной Амурской экспедиции и принадлежности России нижнеамурских земель — чтобы немедленно занимал Кизи и Де-Кастри. Пусть и на Сахалине посты военные поставит. Формально,

конечно, это не его дело, поскольку Сахалинская экспедиция выделяется из Амурской и остается в ведении Политковского*, но отвечать-то за нее будет он, Муравьев, и пока она развернется, пусть побудет под Невельским. Конечно, тот опять, и вполне справедливо, станет жаловаться, что людей не хватает, — надо послать ему этого добровольца, майора Буссе, и рекомендовать назначить его командиром десанта на Сахалин. Пускай покрутится, а то двадцать пять лет, ни в одной военной кампании не участвовал и уже майор. Видать, есть кому и по головке погладить, и посадить. Только с чего, спрашивается, напросился в Сибирь? Там карьера в кресле не делается. Служить надо с полной отдачей, а иначе зачем ты на белый свет народился?

Вода в стакане закончилась. Он с сожалением посмотрел на доньшко, покрутил в пальцах, но наливать еще раз не стал: известно ведь, малейшее излишество может испортить даже большое удовольствие. Правда, пробежавшие только что мысли ни удовольствия, ни простой радости не доставили, но Николай Николаевич привык жить в постоянном окружении забот и проблем и давно себе не представлял, что может быть иначе. Катрин говорит, это потому, что он уже шестой год не был в отпуске. Наверное, права, как всегда, права. К тому же почечные колики мучают временами так, что хоть на стенку лезь. Вот и государь внял его просьбе и разрешил четырехмесячное лечение за границей, но разве он сможет, пусть и на столь короткое время, отрешиться от своей Восточной империи? Если действительно начнется большая война с участием Англии, Тихого океана она не минует, и Николаю Павловичу волей-неволей придется дать согласие на сплав по Амуру войск и снаряжения для той же Камчатки. А где один сплав, там и второй, и третий. И уже не с войсками, а с переселенцами, ибо давно известно: войсками ничего долго не удержишь. Значит, надо ускорить подготовку: срочно строить пароход, бар-

* Владимир Гаврилович Политковский (1807–1867) — генерал, с 1850 г. председатель Главного правления Русско-американской компании.

жи, павозки, лодки, вязать плоты, завозить в Забайкалье военное снаряжение, готовить солдат и казаков... И кому все это поручить? Да-а, в одиночку, пожалуй, не справится никто, придется делить. Допустим, за сплавные средства будет отвечать Казакевич, не зря же он уже два года занимается промером и описью забайкальских рек, текущих к Амуру. Чин повысили — теперь он капитан второго ранга. Ему и карты в руки. А снаряжение, конечно, надо поручить Мише Корсакову — он как раз занимается этим в казачьем войске.

На кровати глубоко вздохнула и зашевелилась Екатерина Николаевна. Муравьев спохватился, что стоит голышом и уже основательно замерз, поставил стакан и на цыпочках вернулся в постель. Катрин словно его и ждала: пододвинулась, прижалась, обняла. Пробормотала:

— Какой ты холодный! — И тут же задышала тихо и спокойно. Видимо, ей ничего тревожного не снилось.

2

Муравьев, наверное, не взял бы на службу майора Буссе, если бы за того не попросил министр уделов Лев Алексеевич Перовский. Высокий хлыщеватый брюнет с бакенбардами под императора и холодными бледно-коричневыми глазами навывкате сразу ему не понравился. Жестокий себялюбец, определил он натуру новоявленного волонтера амурской эпопеи, ради карьеры не пожалет никого, и в первую очередь — нижестоящих. А этого Николай Николаевич не переносил всем своим нутром и, что греха таить, когда служил в армии, случалось, бил по физиономии офицера, позволявшего себе измываться над нижними чинами. Как ни печально, таких вполне хватало, и он для себя сделал вывод: человек у власти всегда готов унижить нижестоящего, особенно когда ему не грозит что-то получить в ответ. Но тут же сделал неприятное открытие: да ведь он сам, чиня благородную расправу, оказывается таким же человеком у власти. И начал себя осаживать.

С тех пор много воды утекло, многое в жизни изменилось; что было когда-то дозволено быку, теперь стало

не дозволено Юпитеру, однако ощущение брезгливого бешенства, которое охватывало его в подобных случаях, осталось где-то на доньшке души и нет-нет да напоминало о себе, и тогда приходилось напрягаться, чтобы не дать ему вырваться на волю. Как, например, в разговоре с Беклемишевым перед отъездом из Иркутска. Он бы, конечно, дал выволочку зарвавшемуся мальчишке, если бы не был так уверен, что уже не вернется. А оставлять о себе память в виде побитой физиономии молодого негодяйчика не хотелось. К тому же Беклемишева, в отличие от Буссе, он выбрал сам — тот окончил Лицей, а Николай Николаевич лицеистов предпочитал университетским но генерал Муравьев ох как не любил публично расписываться в собственной недалёковидности.

Как бы там ни было, сразу же по прибытии Муравьевых в Петербург бывший министр внутренних дел, а ныне — уделов, граф Лев Алексеевич Перовский пригласил супружескую чету к себе — отобедать. На обеде он и представил генерал-губернатору своего протеже — майора Николая Васильевича Буссе.

— Жаждет широкой деятельности, — усмехаясь весьма иронично, сказал Лев Алексеевич. — Пускай молодой человек хлебнет настоящей героической жизни.

— Жизнь у нас не столько героическая, сколько суровая и полная всяческих лишений, — не принял Муравьев иронический настрой хозяина. — Вы меня простите, Лев Алексеевич, не за столом об этом говорить, но у Невельского уже несколько человек умерли от скорбута*. Российско-Американская компания с приходом Политковского совсем совесть потеряла: держала Амурскую экспедицию буквально впроголодь. Слава богу, теперь Невельской с товарищами в ведении государства, и я, со своей стороны, могу в полной мере ему помочь.

— Ну вот видите, дорогой Николай Николаевич, что ни делается, все к лучшему, — благодушно заметил Лев Алексеевич. — И Владимир Гаврилович Политковский не такой уж монстр, как вам кажется, он на весьма хоро-

* Скорбут — цинга.

шем счету у государя императора. Его величество собирается поручить генералу укрепление Кронштадта.

— Дай ему бог удачи на этом поприще, — скривил губы Муравьев. — Только, думаю, Кронштадт мог бы укрепить и кто-нибудь другой, как то сделал Александр Сергеевич Меншиков в Финляндии, а вот Русская Америка вовсе беззащитна, и укреплять ее, получается, никому. Впрочем, если хорошенько подумать, то и незачем. Так что я не совсем прав, нападая на Политковского. Русская Америка будет потеряна нами в ближайшие десять-пятнадцать лет.

Перовский ничуть не удивился столь категорическому заявлению — возможно, тоже об этом подумывал.

— Думаете, Англия наложит свою лапу?

Николай Николаевич покачал головой:

— Вряд ли. Нет, она, конечно, хотела бы, но есть другие. Ближе и сильнее. Пример Калифорнии чему-то должен нас научить.

— А что пример Калифорнии? — поинтересовалась вдруг Екатерина Николаевна. — И что такое — Калифорния?

Лев Алексеевич прикрыл салфеткой невольную улыбку, а Муравьев хмыкнул и нахмурился:

— Друг мой, ты же переписывала набело мою докладную записку государю. В ней я и приводил пример Калифорнии.

— А, да-да, — смутилась и покраснела Екатерина Николаевна. — Я не сразу сообразила, дорогой. Действительно, ты писал, что еще двадцать пять лет назад Русско-американская компания предлагала занять Калифорнию, пока ее не захватили Соединенные Штаты Северной Америки, а правительство России отказалось. Но ведь если бы мы тогда ее заняли, сейчас бы тоже пришлось ее отдавать?

— Нет, дорогая, не пришлось бы. Калифорния снабжала бы продуктами не только Аляску, но и Камчатку, и приносила бы огромную прибыль.

— Помню, помню то предложение, — сказал Перовский. — Я тогда служил сенатором, а потом товарищем министра уделов. — И грустно добавил: — Все посчитали,

что Соединенные Штаты доберутся до Калифорнии не раньше, чем через сто лет. В те поры никто и подумать не мог, что они затеют войну с Мексикой и отхватят у нее такой лакомый кусок.

— Американцы — народ практичный, — подтвердил Муравьев. — Их стремление завладеть всем восточным побережьем Великого океана совершенно естественно. Они вот-вот потянутся к Русской Америке, и правительству надо уже сейчас думать, как подороже уступить Аляску.

— Зачем же уступать сугубо российские владения? — неожиданно подал голос майор, дотоле подчеркнуто скромно сидевший напротив Муравьевых. — Случись что, Аляска — прекрасный плацдарм для войны... с той же Америкой.

— А вы собираетесь воевать с Америкой? — возрился на него Николай Николаевич. — Позвольте поинтересоваться, ради чего? Я уж не спрашиваю, какими силами. Хотя бы — ради чего?!

— Н-ну... — заерзал майор. — Ради величия России.

— Вы полагаете, величие России состоит в том, чтобы загнать на край земли несколько тысяч солдат, которых, кстати, надо кормить, одевать, обувать, оружие им дать — где деньги брать на все это? Угробить их в бессмысленной войне и отдать в конце концов этот край земли победителю, на потеху всему миру — в этом величие России? Глупости говорите, майор! Вы в глаза не видели ту землю, а тоже... прости господи... рассуждаете. Нет уж, пусть Америка останется американцам, а России самым естественным образом надо осваивать азиатские берега Великого океана и через него торговать с той же Америкой. И если уж воевать, то на этих берегах и за эти берега! Вот это будет ради российского величия!

Муравьев помолчал, в упор глядя на майора, потом повернулся к Перовскому:

— Вы знаете, Лев Алексеевич, что я всегда сам отбираю офицеров и чиновников в свою команду. Но вам отказать не могу. К тому же у меня появились некоторые мысли в отношении майора. Я переговорю с военным министром о его переводе в мое распоряжение. Думаю,

он не откажет. А вы, Николай Васильевич, наведайтесь через неделю ко мне, в отель «Наполеон», в десять часов утра. Там все и решим.

Буссе вскочил, щелкнул каблуками:

— Буду рад служить вам, ваше превосходительство!

Муравьев поморщился:

— Не мне, майор, не мне, а государю, Отечеству. И прошу вас, не выставляйте столь уж напоказ свое усердие. Это не всегда уместно. Я привык судить о людях не по умению заглядывать в глаза или пуще того — в рот.

— Садитесь, Николай Васильевич, — мило улыбнулась Екатерина Николаевна, спеша загладить резкость мужа. — Еще будет время поговорить, если вы, конечно, не раздумаете служить у нас в Восточной Сибири.

Майор покраснел и опустил на свое место. Надо же, удивился Муравьев, краснеет; значит, для него не все еще потеряно. А Катюша-то какова: «мы заняли бы Калифорнию», «у нас в Восточной Сибири»! Французская сибирячка! Или — сибирская француженка? А собственно, какая разница? Главное — «у нас в Восточной Сибири»! У нас! Он встретился глазами с женой и постарался этим взглядом передать ей всю свою нежность, хоть мимолетно еще раз объяснить в любви. И она все поняла — глаза ответно осветились изнутри, — да, впрочем, иначе и быть не могло. Они давно уже понимали друг друга с полувзгляда, полуслова.

Это было неделю назад, и вот сегодня Николай Николаевич ждал майора, чтобы объявить о переходе его на службу в Главное управление Восточной Сибири. Екатерина Николаевна спешно писала письма, которые ей необходимо было отправить в Иркутск — Элизе и Марии Николаевне Волконской, а Корсаков и Сеславин готовили пакеты для Венцеля, Струве, Запольского и Невельского: Муравьев отправлял им высочайшие указания по вопросам российско-китайской границы, решения особого комитета и правительства по экспедициям — Амурской и Сахалинской, свои инструкции к дальнейшим их действиям до своего возвращения в Иркутск, что должно было произойти не раньше осени, а то и зимы,

ну и множество разных сопутствующих документов. Отдельное письмо предназначалось для передачи военному губернатору Камчатки: главноначальствующий края предписывал генерал-майору Завойко сформировать из надежных во всех отношениях людей десантную группу для отправки на Сахалин под командованием майора Буссе. Правда, самому майору узнать об этом только предстояло.

Он появился, как и было предписано, в десять часов утра. Подтянутый, в парадном мундире, словно ему надлежало получать орден (коего он, кстати, даже самого малого, пока не заслужил). Корсаков и Сеславин удивленно-вопросительно воззрились на вновь прибывшего.

— Лейб-гвардии Семеновского полка майор Буссе, — представился Николай Васильевич. И улыбнулся Корсакову: — Здравствуй, Миша.

— Здравствуй, Николай, — протянул подполковник. — Какими судьбами? Мы с детства знакомы, — пояснил он Сеслаину и обратился снова к майору: — Позволь тебе представить моего товарища по службе.

— Старший адъютант генерал-губернатора майор Сеславин, — слегка поклонился Александр Николаевич. — Чем можем служить?

— Вместе будете служить, — вышел в гостиную Николай Николаевич. Буссе щелкнул каблуками, здороваясь с генералом, тот кивнул в ответ. — Николай Васильевич Буссе, господа офицеры, отныне ваш товарищ, мой порученец по особо важным делам. Я предлагаю теперь же сделать перерыв на чай, за ним все и обговорим.

Все перешли в столовую, маленькую, но вполне уютную, где горничная Лиза уже накрыла скромный чайный стол на пять персон: небольшой самовар, заварной пузатый чайник, блюдо с горкой свежих творожных ватрушек, сахарница с наколотым сахаром и две плошки с вареньем — вот и все убранство и все угощение.

— Екатерина Николаевна выйдет к чаю? — спросил у Лизы генерал.

— Чашку барыня поставить себе просила, но сказала ее не ждать, — вполголоса, только для хозяина, ответила горничная.

— Хорошо, ступай, чаю мы нальем сами. Рассаживайтесь, господа офицеры.

Те не заставили предлагать себе дважды. Зажурчали ручейки кипятка, зазвякали ложечки, размешивающие сахар, раскладывающие по стеклянным розеткам варенье, влет пошли ватрушки...

Подождав, пока опустеют первые чашки, Николай Николаевич сказал:

— Так вот, первое поручение, Николай Васильевич, к исполнению коего следует приступить немедленно, — это ваша командировка по маршруту Петербург — Иркутск — Якутск — Аян — Петропавловск...

Буссе от неожиданности сделал слишком большой глоток и закашлялся. Корсаков и Сеславин, переглянувшись, дружно покачали головой. Муравьев, заметив это, усмехнулся, но продолжил, обращаясь к Буссе:

— Вы рвались к широкому полю деятельности — думаю, шире некуда. Такое поле возможно лишь в Амурской экспедиции... Александр Николаевич, помогите майору прокашляться — постучите по спине. Ну как, Николай Васильевич, полегчало? Это чай не в то горло попал, бывает. О-о, вот и Екатерина Николаевна пожаловали! — воскликнул генерал и живо вскочил, приветствуя входящую жену. Офицеры последовали его примеру, а Сеславин помог молодой генеральше занять место и налил ей чаю.

Когда все успокоились, Николай Николаевич вернулся к своему наставлению:

— На Камчатке вы с помощью губернатора Завойко набираете команду и вместе с ней следуете к устью Амура. Прибыв в Николаевский, куда переходит база Амурской экспедиции, вы поступите в распоряжение капитана первого ранга Невельского Геннадия Ивановича и возглавите десант на Сахалин. По крайней мере, я ему рекомендую назначить именно вас. Конечно, задание сложное и трудное, но у Невельского легких нет — это вам следует запомнить раз и навсегда. Как и важнейшее правило: никогда, ни при каких обстоятельствах не забывать заботиться о нижних чинах, потому что именно они несут нас к звездам. К тем, что падают на погоны. Ну вот,